

Тонда подумалъ мужикъ: „Вѣдь солдатъ ево *ухаялъ*, онъ можотъ и убратъ“.—Запрѣгъ телѣгу и поѣхалъ за солдатомъ.

6. Настѣкъ въ полѣ и говоритъ: „Ей, служивой, поѣдемъ ко мнѣ: уберѣ ево! Сколько возьмѣшь съ меня?“ — „Сто рублей“. — Мужикъ посадилъ солдата въ телѣгу и поѣхалъ домой.

Солдатъ поймалъ курицу и пѣтуха и привязывать мочалкомъ за лѣшова. А мужики надъ нимъ смѣютца. — „Три мѣрина не могли вывезти, а онъ курицу и пѣтуха привязывать!“ — Когда солдатъ всё приготовилъ, пугнулъ курицу и пѣтуха, — онѣ полетѣли и вытасшили на улицу лѣшова. Вѣтеръ дунулъ, ничево и не стало.

11. „Про козла.“

1. Жилъ старикъ да старуха. У старика у старухи были сынъ да дочка. Старикъ да старуха померли. У нихъ осталась только горошку *чарушка*. Онѣ сидѣли на *голѹбцѣ*, ѣли горохъ и уронили одѣнь горошинокъ въ подпольѣ. Онъ тамъ взошолъ и сталъ рости.

Росъ да росъ, до голбца доросъ. Онѣ голѹбецъ выломали, — онъ до потолоку доросъ. Потолокъ выломали, — до крыши доросъ.

2. Черезъ нѣсколько времени сестра и братъ захотѣли ѣсти, а ѣсти у нихъ было нѣчево. Сестра и полѣзла по *витѣйникѣ* кверху. Лѣзла да лѣзла и увидѣла: избушка на кѹрыхъ нѹжкахъ повѣртыватца. Она сказала: „Избушка, избушка! къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ!“ — Обернулася избушка къ лѣсу задомъ, а къ ней передомъ. Она зашла въ избушку. Тутъ жилъ козѣлъ. Лѣжитъ козѣлъ на полѣтяхъ, ноги на *грѣдкахъ*, зубы на спѣчѣ, глаза на полицѣ, а борода на *божничѣ*. А у него въ углу стояли жерновѣ.

Она подошла къ жерновѣмъ, п...ѣтъ, да вернѣтъ, блинъ да *сочень*, коlobкѣ кусочекъ, да и *шѣнешка*. Козѣлъ увидялъ, вотъ и сталъ *гаркѣть*: „Нѹги, идите ко мнѣ! руки, идите ко мнѣ! голова, иди ко мнѣ! глаза, идите ко мнѣ! борода, иди ко мнѣ!“ — А она тѣмъ временемъ и убѣжала.

3. Черезъ нѣсколько времени онѣ опять захотѣли ѣсти. Сестра и говоритъ: „Ты, братъ, посиди, а я слажу туда, опять тебѣ принесу!“ — Сестра полѣзла по *витьвинкѣ*, а братъ тихонько за ней. Когда долѣзли до избушки, сестра оглянулась и увидѣла брата. — „Што ты, братъ? воротись!“ — А братъ и говоритъ: „Нѣтъ ужъ, я отъ тебя не отстану!“ (Такъ какъ онъ не *больно* былъ умной, на дурачка походилъ тожо). — „Ну, смотри, братецъ, когда придѣшь въ ыбушку, не смѣйся!“

4. Только ступили въ ыбушку, братъ увидѣлъ козла и захохоталъ. — „Ха-ха-ха, посмотри-ко, сестра! это што такое?“ — Козель пробудился и сталъ звать: „Ноги, идите ко мнѣ! руки, идите ко мнѣ! голова, иди ко мнѣ! глаза, идите ко мнѣ! борода, иди ко мнѣ!“ — Онѣ пришли; онъ соскочилъ и сказалъ: „Избушка, избушка, сдѣлайся о три уголка!“ — Она сдѣлалась, — и онъ сталъ *имать* брата и сестру. Когда поймалъ, посадилъ ихъ въ подполье и сталъ кормить.

5. Прошло дни два; подаётъ онъ имъ ножъ и говоритъ: „Отрѣжьте отъ рукъ по пальцу! — я васъ попробую!“ — Онѣ нашли *лутѣшку*, отрѣзали отъ нея по суставчику и подали козлу. Козель бросилъ въ печь, — лутѣшка не закипѣла. Козель думатъ: „нѣтъ, есчо не сальны, не время жарить“.

Сутки черезъ двои опять подаётъ ножъ: „Отрѣжьте отъ ногъ по пальцу!“ — Онѣ нашли: свилась *берестина*, — перѣзали её и подали козлу. Козель бросилъ въ печь, — берестина *завересчѣла*; тогда козель подумалъ: „тепере сала много, нужно сжарить“.

6. Натопилъ печку, вывелъ сестру и брата изъ подполья, принёсъ лопату и сказалъ: „Садитесь на лопату — я васъ посажу въ печь и испекѣ!“ — Сестра сѣла на лопату, одну ногу поставила на полъ, другую на челѣ, руки по *задорогамъ*. Козель *попехалъ*, попехалъ въ печь-ту, не могъ пропехать-ту.

Тогда сказалъ: „Ты не такъ садись!“ — „А какъ? я не умѣю!“ — „Погоди! я поучу!“ — Самъ сѣлъ на лопату, ножки поджалъ, ручки поджалъ, бородку поджалъ. А сестра не обрѣбѣла, да *ухъ* ево въ печь; заслонку закрыла да и *кляшкѣй* приперла.

Сама пошла на улицу, а брату наказала: „Когда козель будѣтъ *пекчѣсь*, и побѣжитъ изъ печки *росѣлъ*, такъ ты не

лижи, а то сдѣлаешша козелкомъ!“ (Онъ не великъ есчо былъ).—„Ладно, сестрица, ладно!“

7. Только сестра ушла, козёлъ закипѣлъ, побѣжалъ ро-солъ. Братецъ обмочилъ палецъ и лизнулъ. Ко҃гда сестра вернулась въ ызбу, братъ бѣжитъ ей на стрѣчу и гово-рить: „Бя, сестрича! бя, родима!“—Онъ ужъ козелокъ.

8. Черезъ нѣсколько времени сестрица выросла боль-шая и сдѣлалась очень красивая. Проѣзжалъ тутъ дерев-ней (тутъ очутилась деревня) Иванъ Торго́вой, замѣтилъ её; она ему очень понравилась, и онъ сталъ сватать за себя замужъ. Она согласилась и вышла за него, и козелка взяла съ собой.

9. А неподалѣку тутъ жила *Егѣ-боба*. У неё были три дѣчери. Разъ Иванушко поѣхалъ торговать и потерялъ рукавицу. Егѣ-боба шла да и нашла. Приходитъ къ Ивану Торговому да и говоритъ: „Марья Ивановна (жена-то у него), пропусти меня!“ — „Нѣтъ, не пущу!“ — „Да вотъ, Иванушко-то посылалъ рукавицу, велѣлъ пропустить“.

Она посмотрѣла и узнала рукавицу своею мужа. Взяла и пропустила Егѣ-бобу.

10. Егѣ-боба взяла снесла съ неё платьѣ, надѣла на свою дочъ, а её унесла къ рѣкѣ, привезала сѣрой камень, да го-рючей камень и бросила подъ мось; а къ т....амъ приса-дила двухъ змѣй, штобы онѣ *ссали*.

Ко҃гда Иванушко воротился домой, Егѣбисна выскочила ево встрѣчать: одна нога г..ённа, другая назѣмъна. А у ево жены одна нога серебрена была, а другая золотая (*обутки*, быть можетъ). Иванушко тутъ догадался, но дѣлать было нѣчево. Только пересталъ онъ ѣздить торговать.

11. Черезъ нѣсколько дней Егѣбисна и говоритъ: „Иванъ-Торговъ, Иванъ Торговъ, зарѣжь козла: козлячьей свѣ-жинѣ захотѣла!“—Иванъ Торговъ и говоритъ: „Што ты, дура? да вѣдь козёлъ-то такой жо человекъ!“—А Егѣбисна всё ворчитъ (Егѣбобина дочка).

Иванъ Торговъ не мокъ мѣки перетерпѣтъ; выточилъ ножъ и пошолъ во хлѣвъ (такъ какъ Егѣбисна козла за-перла во хлѣвъ). Ко҃гда Иванушко пришолъ во хлѣвъ, козе-локъ и говоритъ: „Иванъ Торговъ, Иванъ Торговъ, отпусти меня на рѣчку помытца-побѣлѣтца, штобы не *жмурно* вамъ было ѣсти!“—Иванушко отпустилъ.

12. Козелокъ прибѣжалъ къ рѣкѣ: „Бя, сестрица! бя, родима! Нѣжики точатъ, меня рѣзати хотятъ! мнѣ ли не тошно, мнѣ ли не горькѣ?“—А самъ валяѣтца въ песку и плачѣтъ.

А сестра и отвѣчаетъ ему: „Ахъ ты, братецъ! эхъ, родимой! сѣрой камень на дно тѣнѣтъ, а горючъ-камень кверѣху тѣнѣтъ, а двѣ змѣи тѣки *ссутъ*! Мнѣ ли не тошно, мнѣ ли не горькѣ?“—Поплакалъ козелокъ и убѣжалъ домой. Рѣзати было нѣкогда, уже поздно.

13. На другой день Егѣбоба опять ворчитъ Иванушку: „Иванъ Торговъ, Иванъ Торговъ, зарѣжь козла! Козлячьей свѣжинѣ захотѣла!“—Иванъ не могъ муки перетерпѣть, пошолъ опять рѣзати козла. А козелокъ и говоритъ: „Иванъ Торговъ, отпусти меня на рѣчку помытца-побѣлѣтца, чтобы не *хмурно* вамъ было ѣсти!“—Иванушко отпустилъ, а самъ думаетъ: „Што такое? Куда ходитъ козѣль? Вѣдь куда-нибудь дѣлась жо сестра?“—Когда онъ побѣжалъ, а Иванушко за нимъ.

Пришолъ къ рѣкѣ и увидѣлъ свою жену, брошеную подъ мостъ. Взялъ желѣзну *клюшку*, вытасчилъ её, отвезалъ, што у неё было, принѣсъ ей платьѣ; она одѣлась, умылась, и пошли домой.

Когда Егѣбисна увидѣла, и говоритъ Иванушку: „Насчѣты суку-ту, плѣху-ту ведѣшь?“—Иванушко осерѣдился на Егѣбисну, посадилъ её на ворота и розострѣлялъ.

Гдѣ упала голова, такъ тутъ выросла кѣчка; гдѣ упали руки, выросли грабли; гдѣ упали ноги, выросли *клюшки*; а гдѣ упалъ хохѣль-отъ, болото выросло непроходимое, а посреди болота рѣка.

12. [Иванушко дурачокъ].

1. Жилъ старикъ да старуха. У старика у старухи были три сына, — два *просѣжи*, а третей дурачокъ Иванушко. Старикъ посылаетъ: „Подѣйте, сыновья, рубите *подчеку*, бѣдемъ сѣяти рѣпу“.—Два сына умныхъ пошли рубить *подчеку*, а дуракъ лежитъ на печѣ, нейдѣтъ. Сыновья день рубятъ и два рубятъ, а дуракъ всё лежитъ.